

МАРИС БЕРЗИНЬШ

[257]

ИЛ 3/2019

Гутенморген

Перевод МИЛЕНА МАКАРОВОЙ

Директор морга, придя с утра на работу,
приветствует своих коллег: Guten Morgen!

Из устного народного творчества

Гутенморген и карма

В СТРЕТИЛ на улице Гутенморгена. Чисто из вежливости поинтересовался, как у него дела. В целом неплохо, ответил тот, только вот с Берзиньшем поругался. Из-за чего же? — опять-таки из вежливости спросил я. Из-за кармы, ответил Гутенморген и незамедлительно принялся рассказывать:

— Я все время думал, почему у меня такая тяжелая жизнь, сплошная драма. Тут пришел Берзиньш, и я ему чисто по-человечески, как другу, пожаловался на свою беду. А он посмотрел, даже не посмотрел, а противенько так взглянул исподлобья, и говорит себе преспокойно: “Не бери в голову, Гутенморген,

© МИЛЕНА МАКАРОВА. Перевод, 2019

Рассказы публикуются с любезного разрешения Союза писателей Латвии (Latvijas Rakstnieku savienība)

просто у тебя такая карма”. И что мне теперь делать с этой кармой? Такая злость меня взяла на этого Берзиньша. Ну вот как можно просто прийти и сказать такое, и главное — с таким безразличием, ни грамма сочувствия! А она же у меня болит, эта самая карма. Я решил, что так дело не пойдет. Я этому Берзиньшу спуску не дам! Пусть не шляется тут и вообще... поменьше пусть трепется. Придумал — переоденусь Берзиньшем, заявлюсь в гости к Калниньшу и устрою настоящий бардак, пусть тот думает, какой неприятный тип этот Берзиньш. В общем, пришел к Калниньшу, поздоровался, а он мне: “Привет, Берзиньш! Как-то ты странно сегодня выглядишь, на себя не похож”. А я ему отвечаю, что сам он идиот, и дети у него идиоты. Калниньш такого оборота не ожидал, покраснел весь, рот раскрыл, а сказать ничего не может. Я взял со стола вазу и кааак шарахну ее об пол! Калниньш аж побаровел, но тут речь к нему вернулась, и он стал страшно ругаться. А я ему — не ругайся, все равно дурак ты, Калниньш, и все вы, Калниньши, дураки, и вазы у вас дурацкие и... Беру с полки фотографию его жены, швыряю в камин и продолжаю — и жены у вас, Калниньшей, такие же тупые. Калниньш бросился на меня, мол, что ты, Берзиньш, себе позволяешь, совсем рехнулся, ну, и так далее. И тут мне не повезло, потому что Калниньш по лицу меня задел, маску нечаянно сорвал и увидел, что никакой я не Берзиньш, а Гутенморген. Он глаза вытаращил и опять дара речи лишился. И тут внезапно в дверях появляется настоящий Берзиньш и снова эдак свысока произносит: “Не бери в голову, Калниньш, у Гутенморгена карма такая”. А потом поворачивается ко мне и таким любезным, но все равно противным голосом щебечет: “Поверь мне, гутенморген (так и сказал, с маленькой буквы), эти штучки твою карму не улучшат. Если будешь продолжать в том же духе, карма еще хуже станет.” Ну, разве не сволочь?

— Дааа... — задумчиво протянул я. — Ну, не бери ты в голову этого Берзиньша, ты же знаешь, какой он...

— И знаешь, — перебил меня Гутенморген, — в конце концов я этого Берзиньша пристрелил, несмотря на то, что другом считался... Вытащил из кармана пулемет и сделал из него решето.

— Ну, а он что?

— А что он? Он ничего. Сказал, что у него больше нет времени, повернулся и ушел.

— Мда, — ответил я, — ну, как-нибудь все наладится. А мне уже бежать надо. Держись! — На прощание я ободряюще улыбнулся Гутенморгену и пустился наутек. Надо признать, что люди с такой кармой бывают весьма обременительны.

А Гутенморген со всей своей кармой так и остался стоять один на тротуаре...

Вместо предисловия

Гутенморген со своей кармой все же не давал мне покоя. Даже захотелось написать про него роман. Однажды я решил пройти через парк, где обычно отдыхал Гутенморген. Гутенморгена на этот раз не было, зато я встретил Калниньша.

— А где же Гутенморген? — спрашиваю.

— Да вроде уехал на месяц, — отвечает Калниньш.

— На месяц. Понятно. А куда именно?

— Ну, точно не скажу. Он только сообщил, что уедет на месяц, и уехал.

— Ну ладно, — смирился я. — Явно же скоро вернется.

— Куда денется, — согласился Калниньш.

Я решил воспользоваться встречей с Калниньшем и собрать информацию о Гутенморгене.

— Слушай, Калниньш, я решил написать о Гутенморгене роман. Не мог бы ты что-нибудь о нем рассказать? Например, о его детстве, сам он мало о таком рассказывает.

— Ах, ты о нем пишешь... А что в нем такого примечательного? К тому же еще и роман. Ну, знаешь, романа там точно не выйдет.

— Почему не выйдет?

— Не знаю, не выйдет и все. — Калниньш как в воду глядел, ибо романа и вправду не вышло. Тогда он спросил:

— А почему ты обо мне не пишешь?

— Не беспокойся, о тебе я тоже пишу.

— Да? Надеюсь, что-то хорошее?

— Конечно, хорошее, — польстил я Калниньшу. — Но про Гутенморгена я только тебя по-настоящему и могу рассказать.

— Мда, наверное, так и есть. А про меня ты у него будешь спрашивать?

— Ммм, не знаю, может быть, — я замялся, но быстро нашелся. — Так он же сейчас на месяц уехал! Все равно ничего не выйдет, мне ждать не хочется...

— И не надо у него про меня спрашивать. Не потому, что мне есть, что скрывать, просто он может быть не совсем объективным. Ну, ты понимаешь...

— Понимаю. Не буду спрашивать, — пообещал я. — Но ведь ты же что-то расскажешь?

— Знаешь, будет некрасиво, если он обо мне ничего не расскажет, а я про него расскажу. Не хочется быть стукачом. Понимаешь?

— Понимаю. — Я развел руками и почувствовал, что оказался в тупике. Подумал — что за времена настали, никто больше не хочет ни о ком рассказывать.

— Но что мне делать, мне же нужна хоть какая-то информация! — Я был близок к отчаянию.

— Спроси у Бременских музыкантов. Они о Гутенморгене все знают, к тому же любят поболтать. За горсть зерна петух тебе все расскажет. Конечно, не забудь и про остальных, — посоветовал Калниньш.

Ничего другого не оставалось, как отправиться к Бременским музыкантам. Угостив осла зеленой травкой, пса — докторской колбасой, кота — свежей салакой, а петуха — пшеном, я попросил их поделиться впечатлениями о Гутенморгене. Спасибо Калниньшу, музыканты действительно оказались отличными рассказчиками. Первым, конечно, говорил петух, однако чуть позже и остальные внесли свою лепту. Я все записал и попытался составить из рассказиков отдельные главы — в соответствии с тем, что рассказывал каждый из Бременских музыкантов, однако не могу со стопроцентной уверенностью утверждать, что ни разу не спутал петушиную песню с собачьим лаем. Скажу честно — спутал, но очень надеюсь, что они сами позабыли, кто из них о чем рассказывал. Да и в конце концов, так ли это важно, ведь главное — предоставить достоверную информацию о Гутенморгене.

Рассказы, которые напел петух Гутенморген и милиция

Однажды ранним мартовским утром по одной из улочек на окраине Пардаугавы шла молодая женщина и несла на руках своего маленького сыночка. По пути она увидела теплицу, полную красных тюльпанов, и зашла в нее, чтобы насладиться ароматом красивых цветов. Женщина положила малыша рядышком на грядку, а сама принялась жадно нюхать цветы. Внезапно она вспомнила, что забыла дома выключить утюг, и сломя голову помчалась предотвращать пожар.

Примерно через полчаса владелец теплицы пришел проведать свои цветы и увидел, что почти все тюльпаны сломаны. По грядкам энергично ползал годовалый карапуз. Торопясь спасти то, что еще можно было спасти, хозяин зацепился ногой за лейку, упал и умер. Через десять минут в теплицу зашла садовница, намереваясь полить цветы, и увидела такую картину — на разоренной грядке сидит плачущий малыш, а рядом с ним на земле лежит труп хозяина теплицы. Быстро оценив ситуацию, садовница позвонила в милицию и сообщила, что произошло ограбление, а хозяин убит. Милиционеры оперативно задержали маленького вандала и отвезли его на допрос. Следователь строго посмотрел на подозре-

ваемого и понял, что признания добиться не удастся. Чтобы избавиться от неудобного противника, следователь посоветовал милиционерам отвезти мальчишку в детскую больницу и наказал — к нему обратно больше не привозить. Врачи осмотрели юного арестанта со всех сторон и сообщили: ребенок здоров, поэтому здесь его оставить нельзя, и вообще — было бы хорошо найти его родителей. Оба милиционера помрачнели и один из них заметил, что с самого начала чувствовал — с этим сорванцом легко не будет. А второй милиционер еще напоследок усмехнулся — ни один человек в здравом уме не признает такого ребенка за своего. После возвращения в участок они заварили чай и стали думать, что делать дальше. Первый милиционер придумал, что ребенка можно отдать цыганскому барону, у которого и так целая куча наследников, одним больше, одним меньше — дела не меняет. А второй добавил, что совесть у цыганского предводителя нечиста, и он будет вынужден принять ребенка, если не хочет, чтобы милиция все время сидела у него на хвосте. Тогда они все втроем отправились к цыгану. Увидев ребенка, барон сказал, что взял бы его, но только с документами, а то как же брать ребенка, имени которого никто не знает. Милиционеры почесали в затылках и отправились обратно в участок — писать документы.

— Как же этого карапуза назвать? — беспомощно развел руками второй милиционер.

— Еще не знаю, — ответил первый.

Какое-то время они молчали, потупившись, потом первый поглядел в потолок и произнес:

— Да, задачка не из легких, но скоро должен появиться Хармсонс, пусть он и скажет, начальник все-таки... Да-да, он точно скажет!

Спустя какое-то время, пошатываясь, явился начальник участка, майор милиции Хармсонс. Он посмотрел на милиционеров, покосился на малыша и изрек: “Гутен морген, бездельники! Опять чай гоняете?!” Произнеся это, он зашел в свой кабинет, улегся на составленные в ряд три стула и моментально уснул.

— Ну, и что он сказал, наш умник? — иронично поинтересовался второй милиционер.

— Он сказал, что этого сорванца зовут Гутенморген, ты разве не слышал? — высокомерно ответил первый и записал в документах имя мальчика.

Заполнив бумаги, милиционеры опять пошли к цыганскому барону, но он за это время уже куда-то уехал вместе со всем табором. Разведя руками, они отправились обратно в участок.

В то же самое время мать, устранив угрозу пожара, вернулась в теплицу за своим сыном. Не найдя его, она побежала в

милицию. Увидев своего ребенка, мирно лежащего между двумя милиционерами, мать воскликнула: “Сынок, сынок!” Первый милиционер никогда по-настоящему не доверял женщинам, поэтому задал ей хитрый вопрос:

— Гражданочка, а как зовут вашего ребенка?

— Гутенморген! — быстро ответила мать.

— Правильно, это ваш ребенок, — сказал второй и отдал ребенка матери.

Счастливая мать с Гутенморгеном отправилась домой, а первый милиционер подозрительно поглядел ей вслед, пытаясь осознать произошедшее, но у него так ничего и не вышло.

Гутенморген и Берлин

Однажды Гутенморген прилетел в Берлин. С вечера обосновавшись в гостинице, он как следует выспался и утром решил отправиться на прогулку, пока улицы еще полупустые. Завтрака ждать не хотелось, поэтому он спустился по лестнице в гостиничное фойе и быстро зашагал к выходу. Навстречу ему шел хозяин гостиницы. Он улыбнулся и сказал Гутенморгену “Guten Morgen”. Сказанные немцем слова поразили Гутенморгена, и он порядком встревожился. Впрочем, быстро пришел в себя и, так как за словом даже в Берлине в карман он обычно не лез, спросил у любезного хозяина: “Do you know me?” Немец радостно ответил: “Ja, ja”¹. В глубокой задумчивости покинув гостиницу, Гутенморген внезапно сообразил: “Да что же удивительного в том, что хозяин гостиницы меня признал? Он же должен знать своих постояльцев. И все же очень приятно.” Придя к этому заключению, он бодро зашагал к центру города.

“Guten Morgen, Guten Morgen”, — услышал Гутенморген у себя за спиной и снова удивился. Обернувшись, он увидел двух немецких тетюшек, которые тоже поглядели на него. Какое-то время они разглядывали друг друга. Потом Гутенморгену стало неловко от женских взглядов, он отвернулся и продолжил путь. Кажется, и они меня знают, подумал Гутенморген. Но на этом сюрпризы не закончились — время от времени из уст разных людей он слышал свое имя. Неужели все меня знают, изумлялся Гутенморген. Немного странным казалось то, что большинство людей даже не глядели в сторону Гутенморгена, а использовали его имя как шпионы, называющие пароль. “Guten Morgen”, — говорил один, а второй ему на это тоже отвечал: “Guten Morgen”.

В конце концов Гутенморген пришел к выводу, что, скорее всего, большинство жителей Берлина в лицо его не зна-

ют, однако все в курсе, что он прилетел в Берлин, ходит сейчас по городу и собирается провести здесь целый день. Это здесь событие номер один, поэтому все порядочные горожане и начинают свой день с именем Гутенморгена на устах. Немного задевало то, что многие как бы проглатывали первые слоги и звучало так, будто они произносили только "...Morgen", но Гутенморген был великодушен, он понимал, что немцам, возможно, трудно произнести его имя. Ну, к примеру, как финнам выговорить "щепетильность Штирлица".

Все утро Гутенморген провел в легкой эйфории и даже не заметил, как наступил полдень. Однако он понемногу стал замечать, что его имя больше никто уже не упоминает. Все чаще звучало другое, небольшое похожее — Гутентаг. Гутентаг, это еще кто такой? Стоило появиться кому-то еще, как про меня сразу же забыли, поморщился Гутенморген. Хорошее настроение было испорчено на весь оставшийся день, и он теперь старался не вслушиваться в разговоры окружающих. К вечеру Гутенморген совсем оглох и даже не услышал, как часто люди упоминают появление какого-то Гутенабенда.

Весьма недовольный поездкой, Гутенморген возвратился домой.

Гутенморген и амнезия

Однажды Гутенморген ехал в троллейбусе на работу. Рядом с ним стояли две женщины и болтали. Гутенморгену хотелось быть вежливым, поэтому он старался не прислушиваться к чужому разговору, но одна из женщин так громко произнесла свою фразу, что он просто не мог ее не услышать.

— Кошмар! Я же этого совсем не помню! У меня, наверное, амнезия, — сказала она.

"Больная", — подумал Гутенморген и попытался отодвинуться подальше от этих женщин, но все произошло наоборот, так как именно в этот момент водитель троллейбуса резко притормозил, и Гутенморген всем телом навалился на потерявшую память. Чувствуя, что теряет равновесие, он обеими руками судорожно вцепился в тело женщины.

— Что вы делаете? — изумленно воскликнула женщина.

— Простите! Я совсем не такой, какой вы думаете! Это у меня нечаянно вышло, это троллейбус так тормозит... извините меня, — забормотал покрасневший Гутенморген и начал втискиваться в толпу, лишь бы побыстрее оказаться подальше от больной.

Прижатый к дверям, Гутенморген нетерпеливо переминался с ноги на ногу, ожидая, когда же, наконец, троллейбус остановится и он сможет выйти. Выйдя из общественного

транспорта, Гутенморген понял, что не узнаёт этого места. Это была не та троллейбусная остановка, от которой вела проторенная дорожка к нему на работу. То, что надо было идти на работу, Гутенморген еще смутно помнил, но по какой дороге — этого он уже не понимал. “Наверное, я все же заразился амнезией”, — подумал Гутенморген и тотчас же забыл и про свою работу. Через несколько минут он забыл свое имя. Дорога домой тоже была забыта. Поэтому он, как и полагается приличному пациенту с амнезией, стал бессмысленно слоняться по улицам и выражение его лица недвусмысленно вопрошало: “Кто я и куда я иду?”. По пути встретился человек, лицо которого показалось Гутенморгену знакомым, поэтому он остановил его и спросил: “Вы случайно не знаете, кто я?” Но человек ничего не ответил, только странно посмотрел на спрашивающего, покрутил пальцем у виска и быстрыми шагами удалился. Не получив ответа, Гутенморген в смятении продолжил свой бесцельный путь. Обратиться к другим с просьбой, чтобы его опознали, он уже не решился.

Так, блуждая по разным улицам, переулкам и аллеям, Гутенморген дошел до какого-то парка, название которого он забыл. Парк был полупустым, на глаза попался только один мужчина, который, лениво развалившись на скамейке, опустошал бутылку пива. Гутенморген не узнал сидящего мужчину, а вот тот повел себя как старый знакомый. Он помахал Гутенморгену рукой и подозвал к себе. Гутенморген обрадовался, что хоть кто-то его вспомнил, и подошел к скамейке.

— Привет! — моментально поднявшись, сказал мужчина. — Хорошо, что я тебя встретил! Слушай, ты не мог бы одолжить мне пару латов до завтра?

— Пару латов? — Гутенморген, на мгновение смутившись, задумался. Потом внезапно нашелся и ответил:

— Ах, ты пару латов хочешь? Слушай, Калниньш, ты мне уже два месяца пятерку не можешь отдать, а просишь опять! Так же нельзя...

— Как хорошо ты все помнишь, Гутенморген! — ядовито протянул Калниньш и снова развалился на скамейке.

А Гутенморген обрадовался, выяснив, что он Гутенморген.

Гутенморген и стрельба

Однажды Гутенморген застрелил Берзиньша. Это было уже не в первый раз. Гутенморгену нравилось стрелять, и он делал это направо и налево. Еще совсем недавно он с помощью телевизора обстрелял всю хоккейную сборную Швеции, когда она предательским образом обыграла наших. Досталось тогда и многим шведским болельщикам, которые в тот мо-

мент находились на трибунах спортивного зала и праздновали победу. Заодно, припомнив всякие государственные конфликты, он пустил ядовитый газ на улицы Стокгольма. Тут следует добавить, что ему нравилось не только стрелять, но и испытывать другие убийственные приемчики.

Не проходило ни дня без того, чтобы Гутенморген не всадил кому-нибудь пулю в лоб или нож под ребра. Если Гутенморгена кто-то сильно раздражал — порой хватало даже обычной неприязни — он был беспощаден. Гутенморгену не было никакого дела до того, какое положение в обществе занимает его жертва. Совершенно наоборот — чем выше по служебной лестнице поднялся человек, чем более он был известен в обществе, тем больше радости было ему вмазать. На свой арсенал Гутенморген пожаловаться не мог — там были пистолеты, револьверы, винтовки и автоматы, а также гаубицы, минометы, пушки и танки, бактериологическое оружие и водородные бомбы. Однажды, чтобы помочь американцам урегулировать конфликт в Ираке, он сел в самолет и разбомбил почти полстраны.

Своего непосредственного начальника Гутенморген продырявил, взорвал и вообще всячески уничтожил уже 248 раз, коллегу, сидевшего напротив, расстрелял 131 раз из ручного пулемета, который временами появлялся на его письменном столе. Что же касается коллеги, который сидел у него за спиной, то в него Гутенморген время от времени бросал через плечо гранату, даже не оборачиваясь. Особенно старательно он это делал, когда коллега за спиной начинал себе под нос подпевать звучащим по радио мелодиям. Гутенморген был убийца-монстр. Причем серийный. Смотря телесериалы, он каждый раз заново убивал вновь и вновь воскресающих негодяев. Но когда начиналась “Панорама” с обзором новостей, трепетать приходилось уже вполне реальным персонажам. Баланс последней недели был примерно таков: премьер-министр — трижды застрелен, один раз заколот, а один раз Гутенморген перерезал ему глотку. Мэр Риги — дважды утоплен (один раз в Даугаве и один раз в городском канале у Оперы), а также один раз замурован заживо в западную стену Дома Черноголовых. Кабинет министров вместе со всеми министрами дважды взорван, первый раз сам по себе, во второй раз вместе с Сеймом. Нерасторопные чиновники и зажиточные, но подозрительные горожане были просто повешены на фонарных столбах бульвара Свободы. Президент страны был ранен в ногу за то, что улыбнулся министру, не понравившемуся Гутенморгену.

Друзья, знакомые и родственники Гутенморгена тоже пострадали в этой войне. Взять того же Берзиньша. Сколько ему пришлось вынести! О теще Гутенморгена и говорить нечего. Очень большой зуб у Гутенморгена был на одного сосе-

да. В основном потому, что соседский пес имел обыкновение часто и внезапно облаивать идущего мимо Гутенморгена, тем самым сильно его пугая. Поэтому соседу и всему его дому приходилось несладко. Однако самого пса Гутенморген никогда не трогал. Животных он любил и всегда задавал себе один и тот же вопрос, на который так и не смог ответить: почему животных мне жаль намного больше, чем людей?

Гутенморген и наблюдение

Однажды Гутенморген встретил на улице Страздиньша и узнал, что сейчас считается очень стильным наблюдать за птицами. Предаваться созерцанию где-нибудь на лоне природы, целенаправленно сфокусировав взгляд на птице. А если повезет, то и на нескольких. Гутенморген не захотел терять время и сразу же начал наблюдать. Проводив взглядом уходящего Страздиньша, он переключился на нескольких находящихся поблизости голубей и основательно изучил стаю воробьев. Интенсивно понаблюдав и сохранив увиденное в памяти, он отправился в сторону канала, чтобы посмотреть на водоплавающих. По дороге он заметил пронзительно кричащих ворон, визгливых чаек и стрекочущих сорок. “Так много птиц! Кто бы мог подумать?” — удивлялся Гутенморген. Сидя у канала, он радовался, глядя на ярких селезней, и понимал, что стал увлеченным наблюдателем за птицами. Очень скоро его исследовательский аппетит возрос, и Гутенморген сел в трамвай, чтобы доехать до зоопарка.

Там уж точно было на что посмотреть! Молотоглав и большая белая цапля, гребенчатый казуар и гребенчатая якана, куриный гусь и утка-мандаринка, турако Ливингстона и кукабарра, или смеющийся зимородок... Всех названий и не упомнишь. Впечатления накладывались друг на друга, новые затмевали старые, свежие наблюдения пытались вытеснить из памяти предыдущие... короче, только держись!

Спустя несколько часов, окончательно изнаблюдавшись, Гутенморген вышел из зоопарка и уселся на скамеечку отдохнуть. Гутенморген уже так глубоко погрузился в процесс наблюдения, что его взгляд произвольно продолжал блуждать по окрестностям до тех пор, пока не наткнулся на афишную тумбу, на которой красовалась крупная надпись НАБЛЮДАТЕЛИ ЗА ВЕСОМ, а внизу чуть более мелкими буквами было написано — “Наблюдай, ешь и опять наблюдай!”. “Ого! А это еще что такое?!” — удивился он. Будучи человеком современным и гибким, Гутенморген немедленно переключился с птиц на весы. Да и надоело уже так долго наблюдать за этими птицами.

Зайдя в первый же магазин, где продавали развесные продукты, Гутенморген расположился так, чтобы в его поле зрения попали весы. Продавщица взвешивала шоколадные конфеты. 236 граммов — моментально зафиксировал Гутенморген. Продавщица вынула несколько конфет из мешочка и на табло показалась цифра — 197. “Следующий!” — сказала продавщица, и покупатель попросил взвесить полкило овсяного печенья. Увлечшись наблюдением за весами, Гутенморген не заметил подозрительного взгляда продавщицы. Через секунду она не выдержала и нелюбезно спросила, что это он здесь стоит и пялится на весы; если он инспектор, то пусть покажет удостоверение, и вообще — весы у нее в полном порядке. Гутенморген ответил, чтобы она не беспокоилась, так как он весонаблюдатель, а не какой-то там инспектор. Продавщицу ответ не удовлетворил, и она посоветовала Гутенморгену идти наблюдать за весом в другое место, лучше всего на Саркандаугаву¹. Гутенморген не внял совету и поехал продолжать наблюдение за весом на Центральный рынок. Там весов было много и, незаметно перемещаясь с одного места на другое, можно было наблюдать за весом, не привлекая внимания продавцов.

Гутенморген гулял по рынку до самого его закрытия. Наблюдение пришлось прервать, так как настало время отправляться домой. Идя в сумерках по пустой улочке, он внезапно ощутил, что за ним тоже кто-то наблюдает. Ощущение было неуютным. Гутенморген повертел головой во все стороны, чтобы увидеть наблюдателя, но вокруг никого не было. Это неприятное чувство не покинуло его даже тогда, когда он переступил порог своего дома. “Чувствую — и практически уверен в своей правоте — что существует и наблюдение за Гутенморгеном”, — подумал он и плотно задернул шторы на всех окнах. Вскоре Гутенморген отправился спать и увидел сон, в котором он превратился в пеликана и с конвертом в клюве отправился к избирательной урне. А независимые наблюдатели из международных организаций даже не следят за тем, чтобы он, пеликан, не нарушал закон о выборах, а вместо этого спрашивают Далай-ламу о том, почему в буддизме самым правильным считается наблюдение за собственным разумом.

Гутенморген и прятки

Однажды Гутенморген и Калниньш сидели в парке и пили пиво. К ним подбежала девочка в красном платице и спросила: — А Янчик не у вас спрятался?

1. Саркандаугава — район Риги, в котором находится Центр психиатрической и наркологической помощи.

Гутенморген с Калниньшем переглянулись и недоуменно пожали плечами.

— Какой Янчик? Здесь никакого Янчика нет, — Калниньш заглянул под скамейку.

— Действительно, нет, — взгляд Гутенморгена скользнул по верхушкам деревьев. — А вы что, в прятки играете?

— Да, — девочка чуть не плакала, — не могу его найти. Это нечестно, так сильно прятаться.

Гутенморген поглядел на девочку и тяжело вздохнул:

— Ну что поделаеть, такая игра. Не переживай, скоро сам вылезет, сколько можно в кустах сидеть...

— Он может долго, я его знаю... Ай, пусть сидит, сколько хочет, — тут девочке пришла в голову блестящая идея: — А может, вы со мной сыграете? Ты будешь искать, — она ткнула пальчиком в грудь Калниньша и повернулась к Гутенморгену. — а мы с тобой будем прятаться. Тебе надо считать до ста и нельзя подсматривать! — строго наказала девочка Калниньшу и дернула Гутенморгена за руку. — Побежали прятаться! Я в эту сторону, а ты в другую!

Калниньш закрыл лицо ладонями и стал медленно считать, а Гутенморген нырнул в глубину парка и хорошенько спрятался. Досчитав до ста, Калниньш открыл глаза и пошел искать. К утру он нашел девочку, чье красное платьице предательски сверкало среди ветвей акации. Девочке было страшно оставаться одной, поэтому она попросила, чтобы Калниньш взял ее с собой. В поисках Гутенморгена они нечаянно нашли Янчика, который забрался в дупло большого дерева и там сладко спал. На радостях девочка отругала Янчика за то, что он так основательно спрятался, но тот в ответ лишь проворчал:

— Нашла все-таки. Никуда от тебя не деться.

Девочка улыбнулась Янчику, взяла его за руку и сказала Калниньшу:

— Нам с Янчиком надо идти в школу.

Девочка утащила Янчика учиться, а Калниньш остался один. Он исходил всю округу вдоль и поперек, но Гутенморгеном и не пахло. Блуждая так, он нашел четверых пропавших детей, шестерых сбежавших собак, пятерых загулявших котов и парочку заблудившихся землемеров, которые за время поисков дороги в свою контору успели познакомиться с одним партизаном, оставшимся со времен последней войны. Но Гутенморгена Калниньш никак не мог найти. А Гутенморген уже устал прятаться и про себя решил: “Наверное, не так уж легко меня найти. Ну, если Калниньш не может, то надо самому себя найти!” Теперь уже двое искали Гутенморгена: Калниньш, которому это полагалось по правилам, и Гутенморген — по собственной инициативе. Они все искали, искали, но так и не смогли найти — ни Калниньш Гутенморгена, ни Гутенморген

Гутенморгена. “Как можно было так ужасно спрятаться? С ума сойти!” — Гутенморген был напуган. “Если меня никто не найдет, что тогда делать?” — от такой перспективы Гутенморген начал впадать в отчаяние. Он понял, что пропал навсегда! А Калниньш за это время так устал от поисков, что решил применить последнее, запрещенное средство:

— Гутенморген, пива хочешь? — громко воскликнул Калниньш.

— Ха, спрашиваешь! — отозвался голос Гутенморгена. — Это ты, Калниньш?

— Тук-тук, Гутенморген! Теперь твоя очередь искать! — облегченно вздохнул Калниньш.

— Брось, Калниньш, нечестно такими приемами пользоваться, — Гутенморген казался недовольным, но втихаря радовался тому, что Калниньш наконец-то его нашел.

Гутенморген и лимонад

Однажды Гутенморген решил угостить Калниньша лимонадом “Буратино”. Так, в шутку. Он знал, что Калниньш лимонад пить не захочет, поэтому перелил его в пивную бутылку и старательно закрыл пробкой. После этого Гутенморген поставил бутылку в холодильник к другим, настоящим бутылкам пива. Когда гости пришел Калниньш, Гутенморген спросил:

— Калниньш, не хочешь со мной пивка выпить? В холодильнике есть.

— Конечно, хочу, — ответил Калниньш.

Гутенморген, усмехаясь, извлек из холодильника две бутылки. Пока он искал открывашку, подозрительный Калниньш решил подстраховаться и поменял бутылки местами. Вернувшись, Гутенморген откупорил бутылки, и друзья прямо из горлышка принялись пить. Сделав глоток, Гутенморген скривился. “Наверное, я нечаянно перепутал бутылки”, — подумал он. Калниньш заметил на лице Гутенморгена гримасу и сказал:

— Выглядит так, как будто ты выпил детский лимонад “Буратино”.

— Так оно и есть, — откровенно признался Гутенморген.

— Видимо, тебя в магазине обманули, — сочувственно произнес Калниньш, посмеиваясь про себя.

— Да нет, я сам туда его налил, — еще раз честно признался Гутенморген.

— Зачем? — Калниньш не понимал, но про себя веселился еще больше.

— Хотел тебя втихаря попотчевать лимонадом и посмотреть, как ты будешь реагировать, но, как видишь, не вышло, — признался Гутенморген уже в третий раз.

— Ха-ха, втихаря, — засмеялся Калниньш. — Хотел меня разыграть? Меня так просто вокруг пальца не обведешь.

— Ну да, не обведешь... Мне просто не повезло, — грустно произнес Гутенморген.

— Нет-нет, я еще с порога увидел, что у тебя что-то на уме. И потом мне показалось, что в одной из бутылок не пиво, а лимонад “Буратино”. Поэтому, когда ты отвернулся, я поменял бутылки местами, — теперь уже была очередь Калниньша признаваться.

— Ах так! Выходит, ты меня надул, — пришел в негодование Гутенморген. — Я тебя угощал как дорогого гостя... Ай, Калниньш, некрасиво... — Гутенморген чувствовал себя обиженным и разочарованным в друге.

— Постой, постой. — Калниньш прервал Гутенморгена. — Ты же сам собирался всучить мне лимонад.

— Да, собирался, но я же этого не сделал. А вот ты меня обманул, причем в моем же собственном доме. И вообще, как ты узнал, что в бутылке именно “Буратино”? — спросил Гутенморген.

Калниньш смутился. Это он сказал наугад. Может быть, потому что в детстве лимонад “Буратино” был для них с Гутенморгеном любимым напитком.

— Это я сказал наугад, помнишь, как мы в детстве его пили? — спросил Калниньш.

— Да, помню. Эх, какие времена были... — Гутенморген вспомнил детство. — Поэтому я и хотел тебе этот лимонад дать, чтобы ты детство вспомнил. Иначе бы ты его не пил. Наверняка бы сказал, что лимонада не хочешь. А теперь мы можем вспомнить старые добрые времена, правда? Разве это не здорово? — сказал Гутенморген и протянул Калниньшу бутылку с лимонадом “Буратино”.

— Здорово, — согласился Калниньш и отпил порядочный глоток газированного напитка. Угостившись, он добавил:

— Но если лимонад разбавить чем-то покрепче, то воспоминания будут еще ярче.

— Твоя правда, — согласился Гутенморген и вынул из шкафчика специальную жидкость для разбавления лимонада.

С тех пор у них появилась чудесная традиция — время от времени вспоминать детство, угощаясь разбавленным лимонадом “Буратино”.

Гутенморген и американец

Однажды, прямо накануне Янова дня, к Берзиньшу совершенно неожиданно приехал его старый знакомый из Америки. К несчастью, именно в этот день Берзиньш должен был улетать

к родственникам в Австралию, поэтому он попросил Гутенморгена присмотреть за его американцем и показать ему, как в Латвии на самом деле празднуют Янов день. Гутенморген долго чесал в затылке, прежде чем сообразил отвести американца туда, где обычно соблюдают все традиции этого праздника.

Сначала американец очень обрадовался, увидев резвящуюся на лугу стайку красивых девушек в народных костюмах. Пока пялился на девиц, подошел Гутенморген с кружкой пива в руках. О нет, сказал американец, пива я не пью, мне от него спать хочется. Гутенморген пытался объяснить, что пиво в Янов день — это напиток напитков, но американец стоял на своем, вынь да положь ему что-нибудь покрепче, лучше всего виски. Виски не было, и американец остался ни с чем, а Гутенморген слегка рассердился. Где-то вдалеке взлетели цветные ракеты. “О, а у нас тоже будет фейерверк?” — спросил американец. “Нет, здесь не будет”, — ответил Гутенморген. Американец удивился, почему бы и здесь не устроить такую красоту. Спустя некоторое время празднующие подожгли колесо от телеги и спустили его с горы так, чтобы оно катилось прямо в озеро. “О, как красиво!” — восхитился американец огненным зрелищем. “А что это означает?” — спросил он. Гутенморген принялся объяснять про горящее колесо, которое символизирует солнце и которое надо спустить с горы, чтобы с этого момента дни стали короче, а ночи длиннее. “А что, разве латыши хотят, чтобы дни стали короче?” — спросил американец. Гутенморген скривился и ответил, что нет, вообще-то не хотят, но так надо делать, чтобы не нарушать космический порядок вещей. “О, понимаю”, — ответил американец и добавил, что ему это все кажется немного депрессивным. Гутенморген отрезал, что латышам эта традиция нравится и они ею довольны. Где-то в отдалении зазвучала эстрадная музыка. “О, да там весело, а у нас тоже будет музыка?” — спросил американец. Да, но только мы будем петь сами, ответил Гутенморген. Зазвучали традиционные Яновы песни, американец слушал и зевал. Его клонило в сон и без пива. Наконец дошли и до “Пут, вейни!”. “Это самая популярная латышская народная песня”, — объяснил Гутенморген американцу. “А о чем эта печальная песня?” — спросил американец. Гутенморгена разозлило слово “печальная”, и он ответил, что эта песня о мореходстве, выпивке, скачках на лошадях и любви к девушкам. “О, тогда она должна быть очень веселой”, — заметил американец. А нам она нравится вот такой, печальной — ответил Гутенморген. Мысленно он уже на все лады ругал и американца, и Берзиньша. К счастью, хотя бы дождь не лил. Из-за облаков выплыл месяц. “О, какое красивое полнолуние”, — сказал американец. Никакая это не луна, а латышское депрессивное солнце, — ответил Гутенморген. Уловив иронию, американец

сказал, что вообще-то Янов день ему очень нравится, ничего подобного он раньше не видел. Будет что рассказать дома, но нельзя ли ради разнообразия пойти в то место, где звучит веселая музыка и пускают ракеты, хочется видеть весь спектр традиций, так сказать. Иди один, если хочешь, ответил Гутенморген, меня что-то в сон клонит, пойду-ка я лучше спать. Американец улыбнулся и сказал: “Это от пива. Я же говорил, что от пива спать хочется”. После этих слов он отправился в путь. Очень скоро Гутенморген увидел его силуэт, исчезающий в гуще темного леса. Облегченно вздохнув, Гутенморген пошел обратно к костру пить пиво и дожидаться рассвета.

Спустя пару недель Гутенморген получил от американца электронное письмо, в котором тот предлагал несколько улучшений для празднования Янова дня. Гутенморген настолько не оценил заботу американца, что, уничтожая в припадке злости письмо, спалил и весь компьютер.

Гутенморген и композиторы

Однажды Круминьш с Калниньшем сидели в парке и беседовали. Тут у Калниньша зазвонил телефон, а Круминьш, услышав мелодию звонка, про себя подумал: “Смотри-ка, пятая, судьба стучится в двери!” Когда Калниньш закончил разговор, Круминьш опрометчиво спросил его:

— Тебе нравится Бетховен?

— “Бетховен”? — Калниньш слегка смутился от неожиданного вопроса. — Ну да, ничего так. Было над чем посмеяться.

— Посмеяться? — Круминьш был удивлен таким ответом.

— Ну да, особенно над первой. Вторая уже не такая хорошая, — критично произнес Калниньш.

— Может быть... мне как-то не приходилось... — Круминьш с сожалением подумал, что ему не довелось послушать ни первую, ни вторую симфонию Бетховена. — Но у тебя же была пятая!

— У меня — пятая? С каких это пор? У меня есть первая и вторая, а про пятую я ничего не знаю... Неужели уже вышла? И где тогда третья, и четвертая? Их я тоже пропустил?

— Их вообще-то девять, — подозрительно глядя на друга, изрек Круминьш.

— Да иди ты! Когда только успели! И почему я ничего не знаю?

— Всего никто не может знать... — осторожно ответил Круминьш, сообразив, что больше не понимает Калниньша.

Тут пришел Гутенморген и тоже уселся рядом, но Круминьш никак не мог успокоиться и как бы между прочим спросил Гутенморгена:

— Тебе Бетховен нравится?

— Ты про того Бетховена спрашиваешь? — осторожно переспросил Гутенморген, ибо интуиция подсказывала ему, что надо быть бдительным.

— Ну да, про какого же еще? — Круминьша озадачил такой ответ, а Калниньшу стало как-то неуютно, так как он вообще перестал понимать, о чем идет речь. Он знал только двух Бетховенов, Круминьш, как выяснилось, гораздо больше, а скольких знает Гутенморген — одному Богу известно...

— Мне лично нравится Верди, — дипломатично ответил Гутенморген.

— Мне тоже, — расцвел Калниньш. — Особенно отношение к индивидуальным потребностям клиента¹.

Круминьш выпучил глаза и схватился за голову, не понимая, как Калниньш может быть настолько оригинальным. Он чувствовал, что друг в своем полете мысли неотвратимо удаляется в неизвестном направлении прочь от него, Круминьша, но в самый последний момент он взял себя в руки и сказал Гутенморгену:

— Да, Верди неплох, мне больше всего нравится Отелло.

— Отелло?! Этот убийца?! — Калниньш разочаровался в друге и подумал про Круминьша то же самое, что и Круминьш до этого про него самого.

А Гутенморген почувствовал, что с Калниньшем, Круминьшем и композиторами что-то не так, и решил сделать хитрый ход.

— А что вы скажете про Моцарта? — спросил он и открыл свой портфель.

— Ну, Моцарт! Моцарт — это Моцарт! — Круминьш, чтобы передать величие композитора, воздел руки к небесам.

— Да, Моцарт — это сильно... — согласился Калниньш.

— В этом году юбилей, 250 лет, — сказал Гутенморген и извлек красивую коробочку с шоколадными конфетами Mozartkugel. — Угощайтесь!

— Такие старые конфеты! — поразился Калниньш, а Гутенморген внезапно задумался — не лучше ли было бы поговорить о Калниньшах?²

Гутенморген и карьера

Однажды Гутенморгену удалось устроиться чиновником в отдел обеспечения проведения оперативных мероприятий Госу-

1. Verdi — название пакета услуг одной из латвийских телекоммуникационных компаний.

2. Речь идет о композиторах Альфреде, Алдонисе, Янисе и Иманте Калниньшах. Калниньш — одна из самых распространенных в Латвии фамилий.

дарственного бюро по надзору за обхватом стволов сосен. Отдел был небольшим, Гутенморген и еще двое — Силиньш и Алксните, да руководитель отдела — Эглитис. Гутенморген еще не провел и недели на новом месте, как в отдел неожиданно появился директор Оперативного департамента Карклиньш, чтобы выяснить, почему одно оперативное мероприятие на прошлой неделе не было должным образом обеспечено. Слово за слово, и между ним и руководителем отдела вспыхнула ссора. Эглитис был во всех отношениях человеком неплохим, только по характеру очень вспыльчивым, поэтому он очень быстро разошелся на своего начальника и, подняв толстенную кипу бумаг с изложением концепции обеспечения обхвата стволов сосен, швырнул ее в Карклиньша. Директор департамента не успел увернуться и получил по голове всей тяжестью концепции. Это причинило Карклиньшу такой моральный и физический ущерб, что он незамедлительно отстранил руководителя отдела от его должности. Эглитис на это обиделся и со словами “Да пошли вы все!” выбежал из кабинета. Карклиньш, потирая ушибленный лоб, стоял посреди кабинета и взирал на Гутенморгена:

— Вы здесь один? А где остальные?

— Силиньша нет на месте, а Алксните куда-то вышла, — ответил Гутенморген.

— Ах так, — сказал директор, — ну, тогда я Вас назначаю руководителем отдела вместо Эглитиса. Ясно?

— Ясно! — ответил Гутенморген. Он был приятно взволнован.

Домой он вернулся в приподнятом настроении и там стал радоваться еще больше. “Прошло лишь несколько дней, а я уже руководитель отдела”, — Гутенморгена охватила гордость. Слегка возбужденный стремительным взлетом по карьерной лестнице, Гутенморген отправился спать. Но сразу уснуть не удалось, в голову лезли всякие интересные мысли о будущем: “С утра пораньше надо будет сходить к директору согласовать план работы. А если вдруг придет сам начальник бюро Озолиньш и внезапно поссорится с директором департамента? И вдруг Карклиньш не выдержит и чем-нибудь запустит в Озолиньша, тогда Карклиньшу конец, с работы вон. И тогда я смогу стать директором департамента. Неплохо, неплохо. Да-а! С Озолиньшем я не буду ссориться как Карклиньш, Озолиньш человек славный, само миролюбие. И все же, если однажды с визитом вдруг явится сам министр Осис, может случится, что и Озолиньш не выдержит и запустит в него чем-нибудь тяжелым. Тогда с Озолиньшем будет покончено, и я стану шефом бюро. А что делает шеф бюро? Да ничего особенного... Ну, присматривает за коллективом, иногда ходит в Кабинет министров. В Кабинете министров тоже могут случаться всякие чудеса. Ну, допустим, мой министр на

каком-нибудь заседании, на котором буду и я, не сможет договориться с премьером относительно бюджета и заедет тому тяжелым портфелем, тогда... Тогда мне уже недалеко до кресла министра! Ну, такая работка мне бы точно была по зубам...” В этот самый момент зазвонил будильник. Ночь пролетела незаметно, надо было собираться на работу.

Войдя в бюро с покрасневшими глазами, временами позевывая, Гутенморген напрямик отправился к директору Оперативного департамента согласовывать план дальнейшей работы. Прежде чем подойти к дверям, он через плечо поглядел, не появился ли случайно начальник бюро, но коридор был пуст. “Появится, куда денется”, — подумал Гутенморген и вошел к директору департамента.

— Гутенморген, — произнес Карклиньш. — Вчера так нехорошо вышло, но мы с Эглитисом только что переговорили и все уладили. Так что он остается руководителем бюро, а с вас я снимаю то тяжелое бремя, которое вчера возложил. Я вижу, что вы беспокоились насчет новых обязанностей, может быть, даже ночь не спали. Вон как глаза покраснели. Ну ничего, все будет хорошо... — Директор департамента дружески похлопал Гутенморгена по плечу. — Можете идти в свой кабинет и спокойно работать.

Услышав это, Гутенморген сильно огорчился. Чтобы хоть как-то унять чувство разочарования, перед уходом он взял со стола начальника толстую папку с концепцией и запустил ею в Карклиньша.

Гутенморген и писатель

Однажды Гутенморген сидел в парке на скамеечке и ждал Круминьша, но вместо него неизвестно почему появился Лапиньш.

— О, Лапиньш, — воскликнул Гутенморген. — Давненько не виделись!

— Да уж, годы бегут, — Лапиньш присел на скамеечку.

— Как поживаешь, что делаешь? — спросил Гутенморген.

— Я... — Лапиньш замялся, — Ну, пишу... помаленьку...

— Ого, — оживился Гутенморген. — А что ты пишешь? Романы? Дашь почитать?

— Один романчик еще только задумал, а вот рассказ недавно в газете был. Читал?

— Ой, нет. Определенно видел, но прочитать как-то не получилось. Классный рассказ?

— Ну, я не знаю... мне кажется... надо прочесть... — Лапиньшу не хотелось себя расхваливать.

– Писатель! Ну, крутой! – Гутенморген одобрительно хлопнул Лапиньша по плечу. – Значит, ты сейчас работаешь писателем? Заработать тоже можно?

– Ну, как сказать... – Лапиньш не мог подыскать нужные слова.

– Ах так, – задумчиво произнес Гутенморген и вперился взглядом в галстучный узел Лапиньша. – А чего это ты так вырядился?

– Я? Я не вырядился. Я просто аккуратный. – Лапиньш смахнул пылинку с рукава пиджака.

– Лапиньш не аккуратный, а зиккуратный! Литературный зиккурат! – Круминьш подкрался так беззвучно, что Гутенморген и Лапиньш даже вздрогнули. – Ты читал в газете его последний рассказ? Ну тот, где мужик сначала в троллейбусе, а потом в трамвае... Ну ты знаешь, да?

– Ах, тот? Нет, еще не успел. Но обязательно прочту, когда выдастся минутка. – Гутенморген хотел порадовать Лапиньша.

– Обязательно прочти. Лапиньш скоро станет классиком, – Круминьш погладил Лапиньша по голове.

– Да уж куда мне, – Лапиньш покраснел.

– Я памятник себе воздвиг нерукотворный... – принялся декламировать Гутенморген и уже начал было плести лавровый венок из липовых веток, когда Круминьш его прервал:

– Надо! Надо памятник! Что скажешь, Лапиньш?

– Да бросьте. Я ведь еще жив.

– И что с того? Может, когда умрешь, никто о тебе даже и не вспомнит. Лучше сейчас, пока мы еще не передумали, да, Гутенморген?

Гутенморген сразу же согласился, и они на пару с Круминьшем быстро соорудили Лапиньшу памятник и установили его прямо на газоне парка.

– Ну как? – Гутенморген ждал оценки Лапиньша.

– Дорогие мои, ну право же, не надо было... Нет, нет, ничего... только... – Лапиньш снова не мог подобрать нужные слова.

– Что “только”?

– Только почему такой маленький? – наконец вымучил Лапиньш. – Еле видно!

– Трава высокая, давно некошенная, это во-первых, – сказал Круминьш. – Во-вторых, мы специально такой сделали, чтобы ты мог спокойно положить его в карман и сам установить там, где тебе нужно. В-третьих, ты еще не умер. Когда помрешь, может быть, получишь памятник побольше.

– Именно так, – подтвердил Гутенморген и положил памятник Лапиньшу в карман.

— А теперь иди. Иди, пиши, чтобы нам было что почитать. Напиши что-нибудь... Ну, эдакое!!! Я знаю, у тебя получится! — Гутенморген легонько похлопал Лапиньша по плечу и подарил ему зеленую авторучку с фонариком.

Лапиньш удалился, освещая себе путь новой авторучкой, а Гутенморген облегченно вздохнул.

— Ушел... Он действительно так хорошо пишет?

— Трудно сказать. Мне кто-то сказал, что читал в газетке рассказ... Иначе я бы и не знал...

— Да? — Гутенморген задумался. — Может, мне тоже что-нибудь написать?

— Попробуй! Если Лапиньш смог, может, и у тебя что-нибудь получится, — сказал Круминьш и стал понемногу набрасывать эскиз следующего памятника.